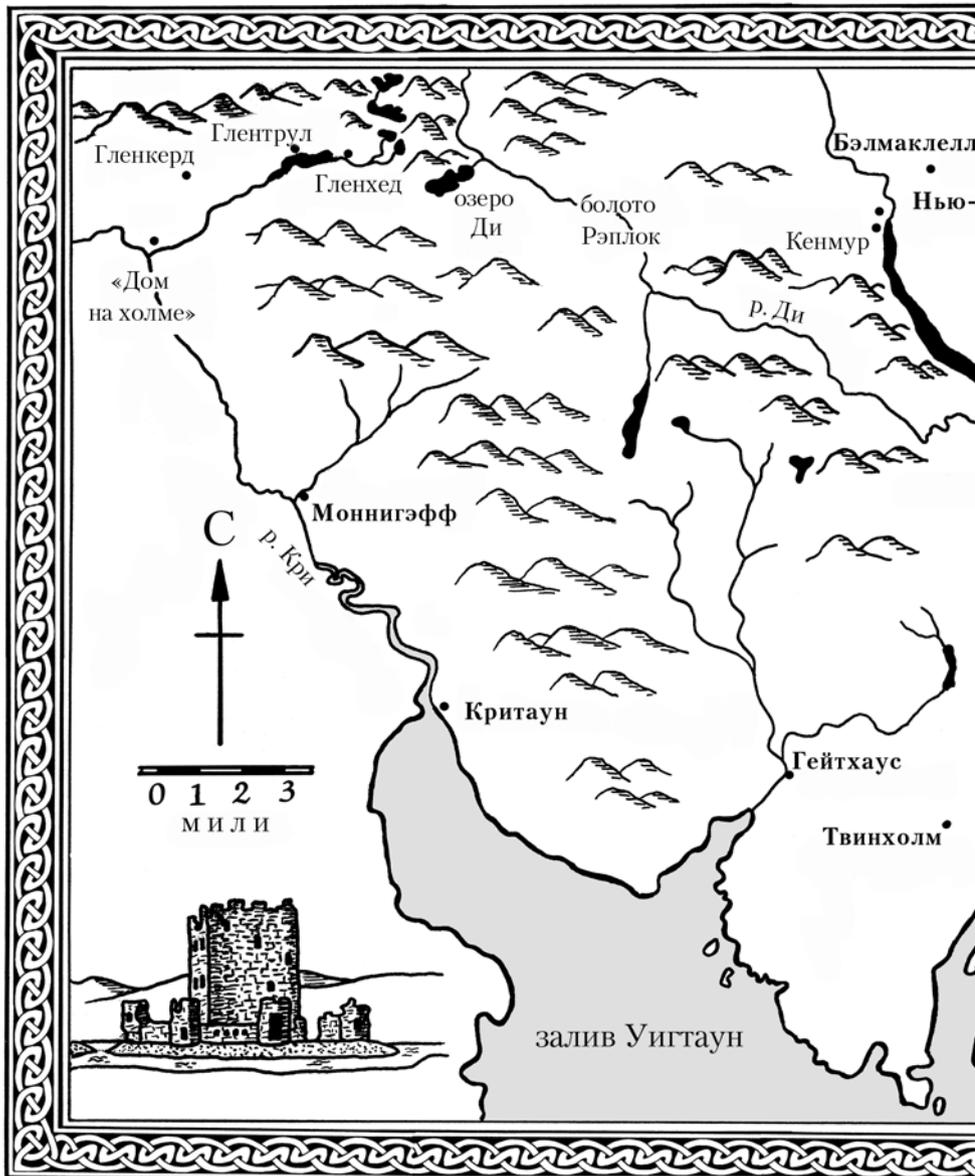

Книга Сертис Виллис

ВЕЧНЫЙ УКОР

К Н И Г А П Е Р В А Я

Галлоуэй, Шотландия
1788 год
карта составлена Бенни Джильмисом

ан
Галлоуэй

р. Пит

Дамфрис

озеро
Кен

Бэлмэги

Урр-Уотер

Миллтаун

озеро
Лохенд

Драмкалтрэн

Оченгрэй

Лоутис-Хилл

Хо-оф-Урр

Ньюэбби

«Трив»

озеро
Карлинуорк

Дэлбити

Криффелл

Келтонхилл

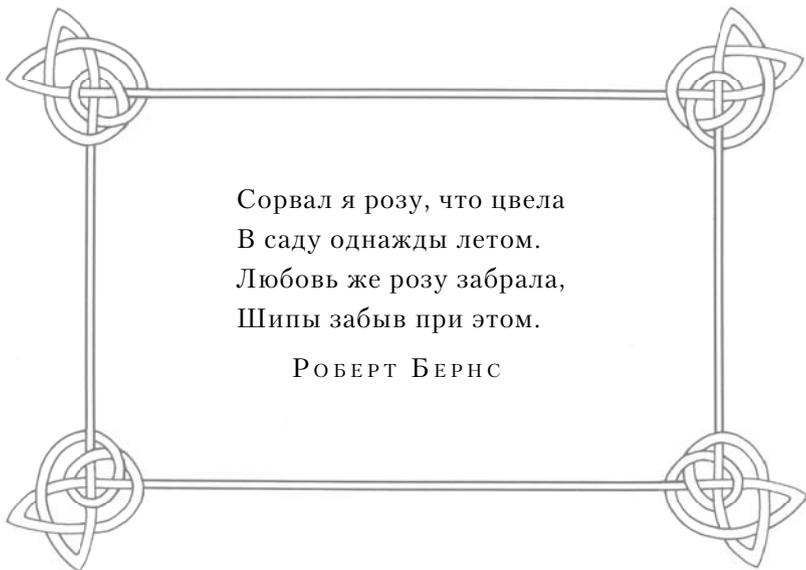
Киркбин

Кирккадбрайт

Дандреннан

залив Солуэй

Сорвал я розу, что цвела
В саду однажды летом.
Любовь же розу забрала,
Шипы забыв при этом.

РОБЕРТ БЕРНС

Дролоя

Мать плакала! Отец рыдал!
В опасный мир я вдруг попал.
Уильям Блейк

Долина озера Трул
Лето 1764 года

Только никому ни слова о том, что я приходила, Джин. Ни единой душе. — Повитуха лишь кивнула, распахивая дверь хижины, чтобы впустить нежданную гостью. Ровена Маккай проскользнула мимо нее в дом и расположила свое неуклюжее тело на грубо сколоченной скамье. Юбка гостьи зацепилась за сук, и Ровена дернула ее в раздражении. Придется Эйви снова поработать иглой, зашивая новую дырку. — Скажи мне, Джин, что ребенок скоро появится на свет. Мистер Маккай не может спать по ночам — он очень за меня беспокоится.

Ровена все лето носила наследника мужа, и тяжкий груз, словно жернов на мельнице Маккрэкена, ее придавил. Ноги опухали, колени ныли, и даже свежая таволга не облегчала жжения в желудке. Влажными ладонями Ровена уперлась в необработанное дерево скамьи и глубоко вздохнула. Она пришла к повитухе, чтобы получить ответы на свои вопросы, и без них она не уйдет.

— Ну, что вы, — пожилая женщина придвинулась к Ровене и сочувственно положила руку ей на плечо. Прикосновение было таким же ласковым, как и слова. — Это всего лишь нервы. Я понимаю, первые роды... — Глаза Джин в обрамлении морщинок были синими, как незабудки. Она носила платье из полосатого драгета*, слишком облегающий лиф которого скорее подошел бы молодой женщине. Из-под потрепанного подола выглядывали загорелые

---

* Грубая шерстяная ткань, используемая чаще всего для половиков. — *Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.*

босые ноги с аккуратно подстриженными ногтями — они были в зеленых пятнах от травы. — Вы правильно сделали, что пришли ко мне. Что бы стали говорить в деревне, если бы не я занималась первенцем Маккай? Но вам еще месяц ждать, а когда придет время...

— Целый месяц? — Ровена удивленно распахнула глаза. — Глупая женщина, ты сошла с ума! Я и недели не продержусь! Разве ты не видишь, как во мне вертится малыш? — Она выгнула спину, предлагая повитухе убедиться в справедливости ее слов. — Посмотри сама: он меня бьет, словно дикий козленок, то в один бок, то в другой.

— Это не один козленок. — Джин через платье погладила живот Ровены, опытным взглядом окинув расплывшуюся фигуру женщины. — Двойня, так мне кажется.

У Ровены от удивления отвисла челюсть.

— Двойня?

Повитуха задумчиво кивнула:

— Готова спорить, что мальчики.

Ровена лишилась дара речи и уставилась на свой живот. Ее муж Алек просил Господа ниспослать в ее чрево сына. Но два сына сразу? Новая напасть! Она потеряла ноющие бока и почувствовала, как под рукой задвигался ребенок — или дети, если повитуха права. Стены Глентрула возводились с расчетом на большую семью. Но справится ли ее стареющее тело?

Резкий удар в живот был ей своеобразным ответом.

— Скажи мне правду, Джин. Эти постоянные удары, эта резкая боль в ребрах... Ведь не может быть, чтобы это было нормальным, даже с двойней?

Повитуха пожевала губами, продолжая надавливать и ощупывать живот Ровены.

— Два ребенка — всегда тяжело для матери. Но, боюсь, что-то здесь не так. — В голосе женщины появилась нотка сочувствия. — Сколько вам лет, госпожа Ровена Маккай?

— Я слишком стара для первенца, если тебя это интересует. — К Ровене вернулись ее худшие опасения. — В ноябре мне будет тридцать восемь.

Джин поцокала языком:

— Если бы я не была уверена в том, что это Господний дар, я собирала бы вам на памятник камни. Но я вижу, что Господь возложил на ваше чрево длань, поэтому сделаю другое. — Она запустила руку в притороченный к ее поясу мешочек. Когда она ее вынула и раскрыла ладонь, там лежали две серебряные монеты. — Это нужно вложить им в кулачки. Вы ведь знаете этот обычай?

Успокоенная уверенным тоном Джин, Ровена кивнула. Повитуха была богобоязненной женщиной. Серебряные монеты не сулили дурного — напротив, они предрекали богатство и удачу. По всей видимости, Джин считала, что дети родятся живыми и здоровыми. Тогда с Божьей помощью верить в это начнет и Ровена.

Она с трудом поднялась на ноги, надеясь, что смена положения принесет ей облегчение. Напротив, сильный толчок ее невидимого дитя вызвал взрыв боли в пояснице. Вспомнив только что сказанные Джин слова, Ровена почувствовала озноб.

— Ты сказала, будто что-то не так?

Повитуха медленно кивнула:

— У вас двойня... но дети очень разные. Очень разные парнишки. Один сильнее другого. Со временем старший будет служить младшему.

У Ровены пересохло во рту. *«Двойня, но не близнецы»*. Все-таки это плохой знак. Она постарается, чтобы приходской священник как можно скорее их крестил. Старший будет служить младшему? Но у шотландцев так не принято. Она пристально посмотрела в немигающие синие глаза Джин, вновь пытаясь почерпнуть в них уверенность.

— Это слово Всевышнего?

— Оно самое, да. — Джин на миг опустила седую голову. — Время покажет, что я была права.

— Я в этом не сомневаюсь. — Сейчас Ровена не станет об этом думать. Уилсон — лучшая повитуха Галлоуэя. Беременная женщина знала, что когда придет время рожать, она будет в хороших руках. — Мне лучше вернуться домой, пока мистер Маккай не обнаружил, что меня нет, и до смерти не перепугался. Я выскочила из дома, ничего ему не сказав. — Она повела плечами, зная, что Джин ее поймет. — В последнее время, глядя на мой растущий живот, он очень беспокоится. — Ровена пошла к дверям, на ходу

набрасывая на себя легкий плед. Хотя было лето, но по вечерам с озера Трул дул сильный ветер. — Не уходи далеко, Джин. Уже скоро я пришлю за тобой свою служанку Эйви Финдли. Ты ведь будешь дома, когда она придет?

— За много лет я еще ни разу не пропустила роды, госпожа Маккай.

— Дай Бог, чтобы мои не стали первыми.

Прощавшись, Ровена вышла из крытой соломой хижины и по извилистой тропке направилась к своему дому. В последние месяцы она стала такой неуклюжей, что не могла ездить верхом, а коляска ей тем более не годилась: дорога была очень плохой и на каждом повороте блестела раскисшая глина.

Ровена замедлила шаг: никогда еще она так сильно не уставала. Да это и неудивительно, ведь у нее двойня! Это для Алека все легко и просто, и он на шестом десятке попросил Господа дать ему наследника. Ведь не ему же вынашивать детей! «И не ему их рожать», — сообщила она каменке, что пролетела над ее плечом, помахивая черно-белым хвостиком, как девушка веером.

Женщина залюбовалась крутыми склонами, так непохожими на пологие холмы Восточного Галлоуэя, где она провела свои девичьи годы. Справа возвышался Маллдонач: там над английскими войсками одержал свою первую победу Роберт Брюс*, скатывая со склонов огромные валуны прямо в ряды вражеских солдат. А впереди вздымался Бучан — когда-то там располагались охотничьи угодья Комины, графа Бучана, а теперь на нем паслись стада Маккай. Непрístupные голые скалы вдоль озера с неровными берегами сменялись узкими полосками травы и редкими сосновыми рощами.

В самом сердце долины высились гранитные стены Глентрула — единственного поместья на многие-многое мили и вот уже двадцать лет ее дома. Гости восхищались внушительным домом-крепостью с круглыми башнями и высокими трубами, выстроенным в тени Фелл-оф-Исчонкана. Когда Алека спрашивали, отчего

---

* С 1306-го по 1329 год король Шотландии, организатор обороны страны в войне с Англией за независимость, основатель династии Брюсов.

это его дом построен в такой глуши, он рассказывал позаимствованную у Брюса историю, уверяя, что «камни неслись с горы и дом “сложился” сам собой».

Когда Арчибалд Маккай, отец Алека, сосватал сына в далеком приходе Ньюэбби, Глентрул принял невесту в свои благоухающие сосной объятия. Это было не совсем сватовство, усмехаясь, вспоминала Ровена. Ее брат Лахлан уговорил ее выйти замуж за Алека, и она согласилась, даже не зная жениха. Жадного Лахлана привлекли не только обширные земли Маккай — чудные золотые браслеты, надетые ей на запястья слугой Алека, тоже сыграли не последнюю роль. «Красивую невесту спешат еще больше украсить, — шепнул ей на ухо Лахлан, опуская в карман серебряную монету, которую сунул ему в руку слуга Маккай. — Поспешу ему навстречу, сестра, и покажи ему, что он покупает».

Через две недели Ровена и Алек поженились, получив самое горячее благословение родителей.

Какой же молодой она тогда была! Восемнадцать лет... совсем зеленая, как майская трава в Галлоуэе. Что она знала о замужестве, об уединенной жизни в долине, вдали от своей деревни и друзей? Она научилась заботиться о своем немолодом уравновешенном муже, с годами она даже научилась его любить. Уважение же к нему далось ей с трудом: Алек слишком легко соглашался исполнять все ее желания. Он скорее походил на гибкую иву, нежели на могучий дуб, но при этом был очень хорошим человеком. Ровена качала головой, вспоминая те случаи, когда ее упрямая натура подавляла его пассивность. «Что за упряму я привел в свой дом!» — обычно говорил он и чуть сильнее, чем следовало, щипал ее за щечку. Пусть она своенравная, но еще до конца лета она подарит ему не одного, а сразу двух наследников. Не выболтать такой секрет очень трудно, но слишком опасно раскрывать его до того, как детки будут у нее на руках и вне досягаемости для фей.

«Ой!» Ровена оторвала подол от колючего терновника. Она вообразила предстоящие ей годы, когда рядом с ней будут два упрямых мальчугана. Кто будет помогать ей в воспитании детей, когда отец станет старым, слабым и ни на что не годным? Ее родители уже умерли. Брат живет далеко, за горами и болотами, в Ньюэбби.

— Мне понадобится Твоя помощь, Господи, — прошептала она, осторожно ступая по топкому берегу озера. — Одна я не смогу воспитать сыновей достойными отцовского благословения.

Когда наконец подошло время родов, Ровена в одиночестве не осталась.

В комнате, где она лежала, собрались полдюжины женщин, чтобы посмотреть на рождение наследника Маккая. Сквозь накрывшую ее, словно саван, боль Ровена едва узнавала их лица и не могла вспомнить ни одного имени. Уж не вдова ли Мактэггарта та женщина в сером жестком капоре? Или она из семьи Макмиллан из Гленхеда? Впоследствии все соседки утверждали, что присутствовали при ее родах. Ровена слышала их бормотание, чувствовала на себе их взгляды. Женщины просто болтали, вовсе ей не помогая.

Она сидела, опираясь на подушки, посередине их общей с Алеко кровати. Тяжелые занавеси балдахина были полностью откиннуты. Лучи осеннего солнца лились в окно и, падая на подушку, согревали комнату. В очаге горел огонь, чтобы, когда понадобится, быстро нагреть воду. И действительно: вдруг вечером станет холоднее? Но сейчас Ровену удручала жара.

— Джин, — прошептала она. Во рту у нее пересохло, она прерывисто дышала. — Пить.

Повитуха окунула пальцы в чашку с холодной водой и смочила Ровене губы.

— Сейчас пить нельзя, госпожа Маккай. Потом, обещаю, вы сможете выпить столько воды, сколько захотите. — Джин отставила в сторону чашку, а затем наклонилась над Ровеной и певучим голосом ритмично заговорила: — Теперь дышите. Хорошо. И еще разок. Правильно. — Джин пригладила Ровене волосы и поправила под ней подушку, потом потянулась за лежащей на прикроватном столике крученой шерстяной нитью синего цвета. — Дайте мне безымянный палец, госпожа Маккай. — Ровена подчинилась, с неожиданной робостью подняв лежащую на слегка помятой простыне руку. Как ей велели, она старалась глубоко дышать, а в это время прямо поверх широкого серебряного обручального кольца Джин обвязывала нитью палец. — Сохрани вас, Господи, от горяч-

ки, — нараспев, делая аккуратный бантик, сказала Джин, затем прижала его к пальцу Ровены. — Это ведь нитка вашей мамы и бабушки, верно?

Ровена кивнула. И мама, и бабушка мужественно выдержали рождение детей и избежали родовой горячки — их спасла, как считалось, обычная синяя нить. Поглаживая потрепанную шерстинку, Ровена молилась, чтобы и ей улыбнулась удача. От женщины при родах мало что зависит. Как полагалось, Джин положила под подушку госпожи семейную Библию, а под кровать — старый гвоздь, чтобы эльфы не подменили здорового ребенка больным. Только Господь знал, чем закончится этот день.

Повитуха обвела взглядом занятых сплетнями женщин, наклонилась к Ровене и прошептала ей на ухо:

— В полночь ваши мальчики появятся на свет. — О своих предположениях обе женщины ни словом не обмолвились даже Маккаю. Как можно собственными руками открыть дверь несчастью? Конечно, нельзя.

Ровена глядывалась в лицо Джин — ей хотелось узнать что-то еще.

— До полуночи? Тогда в среду. — Месяц, день и час — при рождении ребенка все имеет значение. — Или все-таки в четверг?

— Тихо. — Джин протянула руку и прижала два пальца к ее губам. — Господь знает все, госпожа Маккай. Доверьтесь Ему.

В ближайший час Ровене ничего не оставалось, как надеяться на Бога. Мучительная боль разрывала ее тело — двойняшки бились за то, кому из них родиться первым. День клонился к вечеру. С затуманенным взором, безвольно опустив руки, словно перебитые крылья, Ровена бродила по комнате, пока у нее не кончились силы. Обессиленная, она скорчилась на кровати, вцепившись руками в колени, и умоляла небеса сжалиться над ней. Теперь она уже ничего не могла, только послушно тужилась, когда ей это велела Джин, потом снова откидывалась на подушки, чтобы через несколько секунд вновь начать тужиться.

У ее кровати сгрудились соседки, каждая держала над головой заветную семейную Библию. Они молились о том, чтобы все враги Господа были потоплены в Чермном море.

— Помогите мне, — раз за разом просила их Ровена.

Роды продолжались долго, слишком долго. Беззвездное небо стало угольно-черным, а в доме зажгли свечи, когда повитуха, ликуя, наконец вскричала:

— Вижу рыжеволосую макушку!

Тотчас раздалась радостные возгласы, и всем собравшимся нашлось дело. Все завертелось вокруг роженицы. Мокрая от слез и пота, она последним отчаянным усилием закончила свои мучения. Этажом ниже громко заскрипел механизм старинных часов, готовясь отбить полночь.

Но до того как начали бить часы, послышался радостный крик.

— Вот он, твой сын! Он родился! — ликовала Джин.

«Один. Два. Три».

Ровена откинулась на постели — она едва ли слышала бой часов.

«Четыре. Пять. Шесть».

Зато она слышала плач ребенка, а Джин продолжала восклицать:

— Ой! Там второй ребенок! Сразу за братцем. Этого родишь быстро.

Ровена сама почувствовала, что нужно тужиться.

«Семь. Восемь. Девять».

Голос Джин перекрывал бой часов:

— Еще одно усилие, госпожа Маккай, и у вас будет два ребенка.

«Десять. Одиннадцать. Двенадцать».

Все затаили дыхание, пока в комнате не раздался громкий плач еще одного новорожденного. Часы смолкли, зато разом заговорили все женщины:

— Два сына, надо же! Сразу два!

Ровена без чувств откинулась на подушки. Вокруг царил настоящий хаос. Джин острым ножом перерезала пуповины, затем каждого малыша покормила из крошечной ложечки солью, чтобы отпугнуть фей, и обеих окунула в принесенную из озера прохладную воду, дабы дети росли крепкими и здоровыми. Оцепеневшая Ровена могла только наблюдать за происходящим. Вокруг ее кровати трижды обнесли пахнущую смолой лучину, сделанную из расколотого на тоненькие щепки корня ели, а в очаг подбросили ветки рябины. Затем все женщины по очереди вознесли молитву, после чего подошли к блюду с овсяной кашей и миске с водой, съе-

ли по три ложки и сделали по три глотка. Дело касалось двух еще таких хрупких жизней, а значит, нельзя было не совершить все старинные обряды.

Джин предоставила женщин самим себе и занялась Ровеной. Повитуха что-то бормотала и суетилась, помогая ей сесть. Сначала она подсунула ей под спину подушку, а затем на каждую руку решительно положила по дрожащему и вопящему ребенку. Их мокрые тельца были туго запеленуты в новенькие льняные лоскуты.

— Какие у вас необыкновенные мальчики, — промурлыкала Джин, наклоняясь, чтобы снять грязные простыни. — Посмотрите-ка, какие у рыженького на тельце волосики, а у второго их нет, зато на головке у него пушок.

Ровена не могла отвести глаз от страдальческих и морщинистых крошечных личиков. Голодный плач обоих надрывал ей сердце.

— Мои сыновья, — прошептала она и каждого, еле сдерживая слезы, поцеловала в макушку. Пока их не окрестят, она не может вслух назвать их по имени. Прижимаясь щекой к головкам малышей, она про себя представляла их небесам: тот, что с рыжими волосиками и громким голосом, — Эван Александр Маккай, его младший брат с пушком на голове — Джеймс Лахлан Маккай. — Я одинаково люблю их обоих, — тихо сказала она вслух.

— Это будет непросто — они слишком разные, — заметила Джин, ласково погладив ее по руке. — Они, эти двое, даже родились не в один день. Но оба, без сомнения, Маккаи.

Ровена отвела глаза от детей и пристально посмотрела в сочувствующие глаза повитухи:

— Как это — родились не в один день?

Джин обернулась на женщин, затем склонилась к самому лицу Ровены:

— А вы не слышали боя часов?

— Да, но... — И тут Ровену охватила дрожь: — Ч-ч-что?..

— Не волнуйтесь. Это нормальная дрожь, она скоро пройдет. — Знающая свое дело Джин накинула ей на плечи и ноги шерстяные одеяла и поднесла к губам чашку с теплым чаем. — Что же касается времени рождения... этот рыжий волосатик родился на исходе среды. А этот гладенький — сразу, как только пробило двенадцать и наступил четверг. Теперь понимаете?

Ровена снова посмотрела на влажные головки.

— В среду родился — на горе появился, — прошептала она стишок, который с незапамятных времен знают наизусть все шотландские матери.

Джин кивнула, но ее веселость несколько угасла.

— Да, как говорится, в четверг родился — от матери отбился.

— Но не сейчас, мой малыш. — Ровена всхлипнула, с ужасом подумав о том, что младшего, меньшого сыночка у нее заберут. «*Джейми!*» Своей милой головкой с коричневым пушком он сразу завоевал ее сердце. — Умоляю, только не сейчас.

— Не бойтесь: оба будут жить, — Джин сказала это тихим, но твердым голосом. — Второй — тот, что родился после полуночи, — однажды увидит в далеких краях Господнего Духа. Он талантлив, этот ребенок. Помните, что я вам говорила месяц назад? «Старший будет служить младшему». Постарайтесь, когда придет время, этого не забыть.

— А когда это может произойти? — Ровена крепко прижимала к себе малышкой, а дрожь все не унималась. — Как я об этом узнаю?

Джин сочувственно пожала плечами:

— Мы никогда не знаем, когда и как, госпожа Маккай. Как любящая мать, вы всегда должны быть наготове. Всемогущий подскажет, что вам делать. — Не скрывая своего сочувствия, Джин чуть сжала ее плечо, затем осторожно коснулась головок малышкой. — А теперь, госпожа, скажите, что мне еще сегодня для вас сделать?

Новый поток слез залил лицо Ровены. У нее дрожали губы.

— Скажите мистеру Маккаю... — Ей сдавило горло, и она еще крепче прижала детей к набухшим грудям. — Скажите ему, что его молитвы были услышаны. Господь сделал его отцом.

